

ния массовых объектов: монографический метод, выборочный метод. Так, с помощью монографического метода попыталась нарисовать социальный портрет зажиточного крестьянина на примере описания личности и хозяйства одного из тех крестьян, кто в официальных документах именовался кулаком.

Применение метода группировки к документам по лишенцам позволяет сделать структурные, типологические, аналитические группировки.

Определение простой средней арифметической и взвешенной средней арифметической величин делается для характеристики количества работников, едоков, посевной площади, рабочего скота в крестьянских хозяйствах, моды – для показа наиболее часто встречающегося вида наёмного труда в зажиточных хозяйствах, медианы – для анализа посевных площадей, доходов крестьян, размаха вариации – для изучения доходов крестьян.

Изменение явлений во времени анализируется, благодаря расчёту статистических показателей динамики, например, темпов роста, темпов прироста – при изучении динамики численности зажиточных крестьян, элементов их хозяйств.

Сочетание историком традиционных описательных методов исследования с математическими методами делает его работу более представительной и аргументированной.

А.Л. Меньшикова

*Уральский государственный университет
им. А.М.Горького,
г.Екатеринбург*

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Большое значение для изучения истории домашнего образования и частных школ в России XVIII в. имеют источники личного характера, в частности, мемуары. Это воспоминания учителей и учеников, родителей, родственников, друзей. Большинство из них затрагивают историю столичных учебных заведений, школ Украины, домашнее образование детей в центральной России. И лишь в пяти имеются сведения об обучении детей на Урале в этот период. Среди авторов – выразитель просветительских идей, уроженец Украины Г.С.Винский, проведший на Южном Урале более двадцати лет в ссылке; уфимские дворяне Пекарские, воспоминания которых записаны с их слов родственником – П.П.Пекарским; соликамский купец Д.Е. Смышляев; дочь асессора Канцелярии Главного заводов правления А.Е.Лабзина. Несмотря на то, что автобиографическая книга «Детские годы Багрова-внука» основана на достоверном историческом материале, тем не менее, воспоминания известного писателя С.Т.Аксакова представляют собой художественное литературное произведение, поэтому нами не рассматриваются.

Только в двух мемуарах (П.П. Пекарских и Г.С.Винского) затрагивается история домашнего обучения и частной школы на Южном Урале, причем лишь дворянских детей. Воспоминания воспроизводят типичную картину обучения в дворянских семьях этого периода, отражают многие ценные факты, отсутствующие в других видах документов. Несмотря на единичный характер таких сведений, они позволяют почувствовать дух времени, царивший в этот период в дворянской среде, увидеть проблемы обучения дворянских детей, преломленные через ин-

дивидуальное сознание авторов, через их собственное отношение и личную оценку действительности.

Со слов Николая Николаевича и Матрены Семеновны Пекарских, представителей дворянских родов, проживавших в Уфе с середины XVIII в., были записаны воспоминания их родственником – П.П.Пекарским, русским историком, библиографом, собирателем исторических документов о просвещении в России в XVIII в. П.П.Пекарский проявлял большой интерес к прошлому, в связи с этим он и обратился к воспоминаниям своих родных, хорошо понимая всю ценность сведений, сохранившихся в памяти рядовых провинциальных дворян (3). Записки характеризуют образование и воспитание самих авторов, а также обучение их сыновей Петра и Семена. Воспоминания напечатаны в местном издании – в Справочной книжке Уфимской губернии за 1883 г. В последующие годы они не переиздавались.

Матрена Семеновна Пекарская была из рода уфимских дворян. Неизвестно, когда и как она сама выучилась чтению, письму, арифметике – прямых сведений о годах обучения в мемуарах нет. М.П.Пекарская подчеркивает, что «...по обыкновению, господствовавшему в тогдашних захолустьях, меня не учили грамоте на том основании, что де знание для дворянских дочерей грамоты только служило к тому, что оне легче заводили сердечные отношения с местными волокитами» (3, 307). Но, видимо, повзрослев, она получила неплохие основы образования, т.к. оказалась лучше подготовленной, чем ее муж, которому знания были необходимы на государственной службе – именно к жене обращался Николай Николаевич за помощью при составлении денежных отчетов.

П.П.Пекарский отмечает желание старших Пекарских видеть своих детей образованными людьми: «Отец хотел, чтобы младшие его сыновья не остались неучами, а потому намеревался везти их в Казанскую гимназию. Однако матери было жаль расставаться с детьми. Пришлось ограничиться отдачею их в ученье к одному ссыльному» (3, 312). В этом желании дать образование детям проявляется новое отношение к учебе со стороны родителей. Из воспоминаний неясно, почему детей не отдали в народное училище, а отвели в пансион к ссыльному, который взял на себя роль наставника дворянских детей. Видимо, здесь сыграл роль сословный фактор.

В воспоминаниях характеризуется круг «наук», изучавшихся в частном пансионе Уфы, куда отдали Петра и Семена Пекарских: «...Он не был обширен: читали псалтырь и выписывали буквы азбуки»; квалификация и личность учителя – «уфимский педагог отличался не столько своей ученостью, сколько жестокостью», а также жадностью и безнравственностью (3, 312). Об этом ярче всего свидетельствуют следующие строки: «Ученик, почему-либо опоздавший в школу, подвергался жестокому наказанию, способ избежать его – украсть по дороге петуха и впустить его перед собою в класс. Учитель, делая вид, что не видит воришки, приказывал отнести петуха на кухню. Однажды братья Пекарские не сделали этого и были жестоко наказаны учителем, так, что чуть не слегли» (3, 312). Жестокость педагога стала причиной того, что Матрена Семеновна упростила мужа не посылать больше в пансион детей.

Как ясно из воспоминаний, юные Пекарские продолжили образование у бывшего пленного немца, оставшегося жить в России. Пекарские дают характеристику его личности, отмечая человеколюбие педагога, описывают программу обучения, изучение основ арифметики и немецкого языка (3, 312). И в глубокой старости братья Пекарские вспоминали учителя – немца с признательностью.

Воспоминания Г.С.Винского дополняют сведения об

обучении дворянских детей в Уфе, приведенные в мемуарах П.П.Пекарского. Г.С.Винский происходил из мелкопоместных украинских дворян. Сначала он учился в Малороссии, затем переехал в Петербург. Поступив в инженерную школу, устроенную Бибиковым при Измайловском полку, Г.С.Винский, как представитель другой национальности, столкнулся с черствостью, грубостью и притеснениями со стороны учеников и учителей. Военная служба не принесла Г.С.Винскому удовлетворения. В 1779 г. по ложному доносу, подозреваемый в неблагодарности к правительству, Г.С.Винский был помещен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Оренбург. После завершения 25-летнего срока ссылки он был прощен, но не покинул Урал, а поселился в г.Бузулуке, где прожил 10-летний остаток жизни с 1808 по 1818 годы. За неимением средств во время ссылки Г.С.Винский был вынужден искать заработок в качестве учителя.

К написанию мемуаров Г.С.Винский приступил в 1813 г. в Бузулуке, отнюдь не ради славы или из желания написать произведение для широкой читательской публики, а лишь для себя и своих родных: «...Я хочу писать мою жизнь и какие мне памяты важнейшие случившиеся в течение оной происшествия...Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих...» (1, 78). Свою рукопись автор довел до XIX века, назвав ее «Записками». В печати воспоминания Г.С.Винского появились в 1877 г. в выпуске «Русского архива», в 1914 г. были изданы отдельной книгой.

В записках Г.С.Винский описывает свое домашнее учительствование в период ссылки в семьях чиновников и офицеров в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1780-1790-е гг. В дом майора Рыбкина в Оренбурге он был взят по рекомендации самого губернатора, князя Хвabuлова. С открытием Уфимского наместничества и новой Уфимской губернии появились более широкие возможности образованным людям применить свои знания. В 1783 г. Г.С.Винский по неизвестным причинам переехал из Оренбурга в Уфу, где стал давать уроки детям надворного советника Н.М. Булгакова – Анне и Александру. Затем Винский обучал детей в семьях уфимского судьи С.Я.Левашова и прокурора Уфимского наместничества В.П.Рычкова. Своему преподаванию в Уфе автор уделяет больше внимания.

Г.С.Винский отмечает, что его учениками были как мальчики, так и девочки. Он пишет, что в Оренбурге обучал дочь майора Рыбкина французскому языку. Это свидетельствует о возросшем интересе к женскому образованию в семьях местных офицеров, о том, что мода на французский язык получает распространение в уральской провинции. Винский сообщает, что сам оренбургский губернатор князь Хвabuлов в 1780-е годы нанял для обучения своих детей француза старика Ганио, но «воспитание и обучение детей было чуждым для него делом... Был для детей заботливой нянюшкой, а для князя забавником» (1, 92). Для губернатора, – пишет Винский, – главным было то, что Ганио – француз, к мнению которого он прислушивался, т.е. и на Южном Урале, вдали от столиц, распространялась галломания – преклонение перед всем французским, явление, которое высмеивал в своих журналах Н.И.Новиков.

Переехав в Уфу, Винский стал преподавать в семье надворного советника Н.М. Булгакова. До него детей Булгакова, Анну и Александра, обучал француз, и Винский радовался, что тот не успел причинить своим ученикам сколько-нибудь существенного вреда. Г.Винский так формулирует свои педагогические взгляды: «... Я, поступая искренно, не только никогда не внушал ничего детям порочного, но старался всевозможно поселить в них чело-веколюбие, бескорыстие и другие нужнейшие для русских добродетели» (2, 188).

Г.С.Винский приводит данные о получаемой им за преподавание плате, перечисляет предметы, которые он вел в семье Н.М. Булгакова, характеризует способности учеников, говорит о своем отношении к занятиям: «Договор поставлен был для двух детей: учить французскому языку, географии, истории, арифметике, за то получать в год деньгами 300 р. и все содержание с услугою и выездом для жены и меня» (2, 180). Примечательно, что Г.Винский обучал детей сразу же несколькими предметам повышенного уровня (отнюдь не грамоте). Именно он, ссыльнопоселенец, оказался годным для этого. Видимо других, более достойных кандидатур не нашлось. Этот факт отражает недостаток подготовленных учителей, вынужденное использование ссыльных для домашнего обучения детей в дворянских семьях даже в городах – центрах губернии.

Г.С.Винский подробно описывает свое отношение к преподаванию, показывает, как оно заинтересовывает его, заставляет совершенствовать свои знания. Вызывает интерес его способ «домашнего учения» французскому языку. Поначалу учитель старательно следовал методу «иностранных и наших педантов» – зубрежке: «...Выписав грамматику, разговоры, лексиконы и распорядив по ним уроки – невеликая трудность, а только скука...» (2, 180). Но потом пришел к выводу, что «... есть средство самое верное и ученику полезное – в учении его языку чрез чтение с переводом и истолкованием слога того языка и разности нашего...». Освоив таким методом только четверть тома, ученик «столько уже знал язык и его состав, что ему можно было поручить тотчас переводы самых трудных авторов» (2, 180). Такое обучение увлекло Г.Винского настолько, что он охотно жертвовал своими собственными «часами и занятиями». Он понимал, что, обучая чужих детей, расширяет и свои знания: оба языка, русский и французский, изучил «всесовершенно».

В мемуарах содержится информация об отношениях между учениками и домашними учителями. Г.Винский пишет, что дети в семье Булгакова были «избалованными барчатами» и не желали слушаться учителя. Винский относился к ним с добротой и пониманием, был противником телесных наказаний, которые часто применяли родители. Вскоре дети стали уважать своего наставника.

В семье надворного советника, судьи Уфимского суда С.Я.Левашова у Винского был целый «пансион»: четверо детей судьи (Елизавета, Наталья, Николай и Алексей), а также племянник хозяина – сын его сестры Марии Яковлевны. Винский настолько привязался к своим воспитанникам, что старался забыть прежние свои обиды: «Переселение к Левашовым было некоторым образом для меня произвольное; обиженный им в первое приглашение, я не хотел было с ним вовсе дела иметь; но увидевши детей, обласканный ими, я забыл все и четыре года прожил в сем доме, перенося многие неприятности» (2, 194).

Г.Винский не без гордости пишет об успехах своих учеников. Так, например, дочь С.Я.Левашова, 15-летняя Наталья, спустя два года занятий с Г.Винским «...понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря; писала письмо со всею исправностью правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала также достаточно» (2, 195). Эти данные представляют большую ценность для нас, т.к. свидетельствуют о широком распространении трудов французских просветителей в дворянских семьях провинции. Своим ученикам Винский воздал должное «...довольно изрядно учились...». Подводя итог, Г.Винский писал, что «ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел...» (2, 180).

«ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел...» (2, 180).

Таким образом, даже в двух мемуарах мы находим целый ряд интересных сведений, отражающих обучение дворянских детей на Южном Урале во второй половине XVIII в., неизвестных ни по каким другим источникам: о личностях учителей, программах обучения детей, об интересе к французскому языку, в том числе к трудам просветителей и т.д.

Примечания

1. Записки Григория Степановича Винского // *Русский архив*. 1877. № 1. С. 76-123.
2. Записки Григория Степановича Винского // *Русский архив*. 1877. № 2. С. 151-197.
3. Пекарский П.П. *Известие об уфимских дворянах Пекарских* // *Справочная книжка Уфимской губернии*. Уфа, 1883.

В.С. Суриков

*Курганский государственный университет,
г. Курган*

ПАВЕЛ I РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Павел I - одна из самых и спорных загадочных фигур в длинной череде государей династии Романовых. Его жизнь, планы и деятельность вновь попала в поле зрения историков после десятилетий однозначных оценок в советской историографии. Нам хотелось бы рассмотреть кратко, что же произошло в стране в столь короткое царствование, и какие нововведения были проведены в жизнь и проследить оценку историков правления Павла I. Мы взяли в качестве примера для рассмотрения труды двух наиболее крупных деятелей русской дореволюционной исторической мысли В.О. Ключевского и Н.М. Карамзина. У этих историков совершенно разные подходы к деятельности Павла. Один из крупнейших историков XIX века С. М. Соловьев довел свою капитальную *Историю России с древнейших времен*, лишь до 70-х годов XVIII столетия, поэтому в ней лишь достаточно бегло упоминаются интриги вокруг малолетнего Павла в первые месяцы и годы после воцарения Екатерины II. Небезынтересны экскурсы к трудам плодovitого историка-публициста К. Валишевского. Если В.О. Ключевский находит что-то новое в правление этого императора, то Карамзин, который был младшим современником Павла и свидетелем его правления, не находит ни одного положительного момента в деятельности Павла. Валишевский идёт по пути описания правления и личности Павла и осуждения и того, и другого (1).

Павел I родился 20 сентября 1754 года. Одна из первых загадок связана с его происхождением. Его мать, Екатерина II, недвусмысленно заявляет в своих Записках, что он не был сыном Петра III. Это обстоятельство наложило отпечаток на всю жизнь и правление Павла: он стремился подчеркнуть своё почтение к Петру III и не скрывал своей ненависти к матери и методам её правления. Вторая легенда, запущенная в оборот, по всей видимости, с согласия Екатерины, утверждает, что Павел был крайне неуравновешенным в психическом отношении человеком, на грани безумия. Именно этот вопрос: «Были ли действительно безумен сын Екатерины II?» занимает достаточно место в дореволюционной историографии. Павел был человеком, подверженным периодическим вспышкам гнева, возможно, это и подтверждало имевшие широкое хождение слухи о его умственной неполноценности и психической неуравновешенности. По многим свидетельствам современников высшие классы общества, мыслящая и правящая часть нации были уверены, что

император ненормален, безумен, и т.д. (4, 139).

За 1586 дней правления император Павел издал множество манифестов, указов, приказов и других законодательных актов. Павел вступил на престол, одержимый одной мыслью: исправить все, что натворила его мать. Резюмируя мнения историков XIX века, Н.Я. Эйфельман приходит к выводу: «Количество законов, естественно, еще не говорит о содержании, направлении политики. Несомненно, часть павловских указов объективно способствовала упорядочению, европеизации русского правления» (4, 62). По мнению В. О. Ключевского, Павла слишком долго держали вдали от дел, но эта задержка не привела к появлению четкого плана действий по вступлении на престол, как скажем, это можно видеть у Людовика XIV. «Незримый, но постоянно чувствуемый обидный надзор, недоверие и даже пренебрежение со стороны матери, грубость со стороны временщиков - устранение от правительственных дел - все это развилось в великом князе озлобленность, а нетерпеливое ожидание власти, мысль о престоле, не дававшая покоя великому князю, усиливали это озлобление... Благодаря этому настроению на престол принес он не столько обдуманных мыслей, сколько накипевших при крайней неразвитости, если не при полном притуплении политического сознания и гражданского чувства, и при безобразно исковерканном характере горьких чувств», - отмечает великий русский историк (3, 191 - 192). Он считает, что Павел настолько торопился все изменить, что даже в основном не обдумывал все свои действия: «...Мысль, что власть досталась слишком поздно, ...заставляла Павла торопиться во всем, недостаточно обдумывая принимаемые меры...» (3, 192). Уже первые шаги Павла-императора продемонстрировали его намерение действовать во всем наперекор политике матери. Ключевский В. О. отмечает, что этим стремлением окрашено, по сути, все его царствование, в результате чего «Самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды». Василий Ключевский называет деятельность Павла не столько политической, сколько патологической (3, 193). Во внутренней политике Павла выделяется несколько взаимосвязанных направлений - реформа государственного управления, изменения в сословной политике и военной реформа. Пытаясь найти общий знаменатель деятельности Павла I, В. О. Ключевский называет императора «первым противодворянским царем», считая «чувство порядка, дисциплины и равенства» руководящим побуждением его деятельности, борьбу с сословными привилегиями главной задачей. Равенство - по Павлу I - было равенством рабов. Все сословия в его империи были равны, ибо ни одно не имело никаких привилегий (3, 193).

Как ни удивительно, но такой пронизательный и разносторонний человек, как Н. М. Карамзин, не нашел ни одного светлого пятна в мрачной, по его мнению, картине павловского царствования. У него сложилась, совершенно другая оценка деятельности Павла. «...считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины...» (2, 1003). Что касается военной реформы то, Н.М. Карамзин дает также отрицательную характеристику: «...умертил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворян от воинской службы; презирал душу, уважая шляпы и воротники... В царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве...» (2, 1012-1013).

Резюмируя сказанное можно отметить, что в русской историографии, начиная с Н.М. Карамзина, поэтов Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Утвердилась негативная оценка деятельности Павла. Единственное, что сдерживало рез-